

ВДОВЕНКО Евгений Федорович

(25 декабря 1926, станица Крымская Краснодарского края –
11 июля 2002, г. Тюмень).

Родился в семье казака. Окончил три военных училища: Харьковское танковое (1944), Ростовское артиллерийское (1950) и Рязанское воздушно-десантное (1963). В 1968 году заочно окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Участник Великой Отечественной войны. Службу в армии начинал рядовым солдатом и завершил в марте 1973 года майором. После демобилизации переехал в Тюменскую область. Жил сначала в Тюмени, в 1986–1997 годах – в Советском районе ХМАО, с 1997-го – снова в Тюмени. Принимал участие в возрождении казачества, с 1992 года состоял атаманом Верхнекондинского казачьего округа Тюменского линейного казачьего войска.

Первые стихи опубликованы в 1949 году в окружной газете Донского военного округа; в 1960-м издана первая книга – «Юность на посту». В 1968 году в Туле вышел сборник стихов «Муза с парашютом». Там же изданы книги «Иду к тебе», «Яснополянские мелодии».

В 1995 году в Советском районе вышла в свет книга «Снег юности», в 1996-м в Ханты-Мансийске – «Летний сон осенней паутины». В 1998 году вышло двухтомное собрание сочинений «Прощай-прощай и здравствуй-здравствуй».

Печатался в альманахах «Эринтур» и «Врата Сибири», еженедельнике «Литературная Россия», коллективных сборниках, был делегатом писательских съездов. Награжден орденом Отечественной войны, боевыми и юбилейными медалями. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин Советского района.

Член Союза писателей СССР с 1973 года.

Николай ДЕНИСОВ

ЗЕМЛЯ И НА НЕЙ ЧЕЛОВЕК

Поэт российский, русский, может быть кем угодно по рождению, по изначальной стезе-судьбе, по профессии – свидетельством тому имена в нашей русской литературе. Поэт в обыденной жизни может быть разным: возвыситься до высокого гражданского или воинского поступка, но может и явить те черты, что в расхожем представлении «общечеловеческой» морали осуждаемы.

Я подбираюсь, ищу тропу к простым человеческим словам об ушедшем друге-поэте. Да, пройдено с ним немало совместных дорог, немало прочитано друг другу стихов за чашкой чая, за сигаретой, за дорожной кружкой-чаркой вина, перед публикой. Дружили мы и семьями, хотя люди были во многом разные, не только по возрасту, по опыту в жизни и творчестве, но и в оценках житейских ситуаций.

Познакомились с Женей мы в Тюмени в середине семидесятых. В писательской организации возник майор в лётной форме с эмблемами десантника. Поэты чаще всего сходятся легко. Через стихи. К тому же

и «единственный в мире», как мы горделиво подчеркивали, объединял нас Литературный институт.

Кто помнит Тюменщину семидесятых годов прошлого века, тот обязательно отметит дух и атмосферу романтики, молодого задора, что пронизывал наш таежный край. Притягивал он к себе и творческих людей, бывавших у нас не только на Всесоюзных днях литературы, но и в одиночку. А такие «бывания» оказывались наиболее продуктивными. Мы пробирались к нефтяникам, газовикам, геологам, «гостили» у строителей новых городов, поселков, трасс. В местах жутко комариных, суровых, вздыбленных новизной дел.

Побывав в отпуске в тюменских краях, и поэт Вдовенко «заболел» Севером, тем более что «наклевывалось» уже увольнение из армии, в запас. Службе воинской он посвятил без нескольких месяцев 30 лет. Случайно ли стал офицером? Отец, погибший в Великую Отечественную, был майором, а в армии находился с самой гражданской войны. Пойдя по стопам отца, в сорок четвертом призванный на службу Евгений Вдовенко немного не захватил последние бои в Германии: о победе он узнал в эшелоне, идущем на фронт. Потом – Харьковское танковое училище, позднее – знаменитое Рязанское воздушно-десантное.

Первый сборник поэта «Юность на посту» вышел в 1960 году. «Чисто военных» стихов в нем немного. После изначальной встречи и знакомства в Тюмени возникла у нас плотная переписка, прерываемая временами метаниями-переездами Вдовенко. С февраля 1976 года я стал работать директором бюро пропаганды нашей писательской организации, появилась возможность приглашать для выступления поэтов и прозаиков из любых городов Союза. Не просто талантливых писателей, но и умеющих «держат» публику.

Мы договорились отправиться вместе в экзотические места – в Приобье – к газовикам и лесорубам, взяв за исходную точку поселок Октябрьский. Да, мы стремились к тем местам нашей обширной Тюменщины, которые впоследствии изберет для жительства поэт Вдовенко: надолго бросит там якорь!

Возвратились мы из поездки через две недели, «опоэзив» множество коллективов трассовиков, газовиков и лесорубов, забираясь в такие буреломы, куда до нас вряд ли ступала нога стихотворца. Вдовенко завел множество знакомств, обменивался адресами. Если полистать его «Избранное», можно найти посвящения этим трассовым знакомцам. Замечу, поэт легко выдавал экспромты – емкие и пространные, не скупясь и на посвящения. Как-то даже упрекали его за сие: «Мол, всем сестрам раздаешь по серьгам?!» Отмалчивался. Или вдруг заподозрив нехороший оттенок от упрека, посягательство на свободу, мог разжечь и скандал до небес!

Прохладной осенью 79-го года, когда после Ясной Поляны он основательно приземлился в Тюмени, получил приличную квартиру, потащил я его опять в глухие места – в Уватский район. До нас там никто из профессиональных стихотворцев не бывал. Первый литературный вечер проходил в хорошо натопленном и полном публики районном Доме культуры. Я открыл вечер и сразу дал слово Вдовенко. Слушают его стихи час, слушают полтора. Аплодисменты. Ни единая душа не покидает жаркое помещение. Но я уже притомился и тоже жажду добраться до рифм. Пододвигаю Жене записку: «Пора закругляться, читаешь почти два часа!» Он кивнул. И еще с полчаса заливался соловьем!..

Нахожу в одной из книг поэта шутливо-горделивую строфу: «Я брэнной славы не раним, но рад, что – и не белая ворона – сегодня стал ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН родного мне СОВЕТСКОГО РАЙОНА!». Город этот, повторяюсь, стал надежным пристанищем для поэта, его семьи. Второй родиной стал. После кочевой военной службы с постоянными переездами: то Средняя Азия, то Забайкалье, то Кубань, то Центральная Россия. Гарнизонная жизнь с вечно временным жильем. После увольнения в запас – недолгий приют в толстовской Ясной Поляне, где «в сообществе Толстого» написан сборник стихов «Яснополянские мелодии». «Сообщество», конечно, очень ответственное.

Постепенно вошел он в Советском и в активную общественную деятельность. Организовал литобъединение для молодых, помогал готовить им первые книжки. Вел уроки военного дела в школах. Стал первым атаманом Верхне-Кондинского казачества, почетным гражданином района, заслуженным работником культуры РФ. А вначале? Приехав однажды в командировку в Советский, нашел я поэта в сторожке строительной площадки. На утлой печурке пыхтел горячий чайник. На столике толпились черновики стихов. В окне, в отдалении, вздымались штабеля бетонных блоков, железной арматуры, нераспиленных сосновых кряжей. Живая, так сказать, жизнь рядом. Но вовсе не о ней, «живой», по прихоти души, по неким законам творчества, рождались на белом листе строки: «Я люблю Божий мир на рассвете, / Непорочный и чистый, как дети, / Как открывшийся солнцу бутон. / Боже! Что с нами станет потом?! / Взгромоздясь на свою волокушу, / День придёт и отмыкает душу / И подарит последний закат... / И пишу-то об этом я к ночи. / Жизнь моя все короче, короче... / Боже! Может, я в чем виноват?»

Жил на белом свете поэт. Как жил? И вот сейчас ищу я это определяющее слово жизни, творчества. И нахожу: ОТВЕТСТВЕННО! К слову, к поэзии, близким своим, родному Отечеству. Не жалуясь на трудности. И что толку жаловаться? На Руси ведь всегда было нелегко. И особенно в последние времена. И все же как-то чаще в наших стихах, в разговорах-беседах звучали высокие понятия, которых прежде не столь касались мы: Родина, Россия, Отечество. Да, обидно было нам за державу. Захваченную и порушенную негодьями. Они еще позволяли нам гордиться величием и славой Старой Руси, Великой Победой над фашизмом, последовательно и беспощадно творя свои черные дела. Государственники, патриоты по сути, убеждениям, жизненному опыту, оценивали мы не с чистых небес, а из адовых смоляных штолен навалившуюся на нас эту «живую жизнь» с горькими интонациями. Известно ведь, что если мир дает трещину, то трещина эта проходит через сердце поэта.